

СОЦИОДИНАМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ ДИВЕРГЕНТНЫХ ТРЕНДОВ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.Н. Колядко

г. Минск, БГУ, expireauto@yandex.ru

Целью статьи является выявление закономерностей и специфики трансформации дискурса глобализации в условиях ренессанса культурно-цивилизационной идентичности локальных социокультурных систем.

Ключевые слова: дивергенция, культурно-цивилизационная идентичность, постглобализация, фундаментализм.

Стремительные глубинные изменения во всех без исключения сферах общественной жизни приводят к социокультурным сдвигам, что, в свою очередь, способствует радикальному изменению базисных параметров социального пространства–времени, индивидуализации и атомизации общества. Социальные последствия глобализации получили в социально-философском дискурсе различные интерпретации: Ю. Хабермас говорит о формировании новой мировой (глобальной) социальности, которую называет «эпохой новой неопределенности»; Э. Гидденс обращает внимание на имманентную современности десубстанционализацию и называет новую форму социальности – «ускользающим миром»; в методологии мир–системного анализа И. Валлерстайна речь идет о «конце знакомого мира». Общим знаменателем для большинства современных социальных философов является признание глубоко кризиса современности как модели, типа социокультурного развития.

Специфика процессов трансформации социальности и культуры в начале третьего тысячелетия обусловлена, с одной стороны, процессами *деидентификации и социальной дезинтеграции*, а, с другой стороны, технико-технологической экспансией, информатизацией социальной сферы. Первая тенденция находит выражение и связана с утверждением условности и произвольности социальных установлений, отрицанием социальной сущности человека как таковой, а также теоретическим обоснованием исключительно механической, случайной взаимосвязи между «культурой, как сферой надындивидуальных ценностей, социальностью и властью, как средством установления социальной иерархии» [2, с. 58]. Вторая тенденция воплощается, прежде всего, в теоретическом постулировании субъективизма, релятивизма и номинализма, что в практическом отношении выражается в проникновении «больших манипуляционных технологий» как в индивидуальное, так и в общественное сознание, являясь необходимым условием и предпосылкой возникновения тоталитаризма, прежде всего, как онто-экзистенциального феномена.

Широко распространено мнение, что глобализация суть объективный процесс формирования кардинально новой человеческой общности. Вместе с тем, следует строго различать глобализацию как «объективное явление, обусловленное реальной трансформацией информационно–технологических и производственных процессов в современном обществе, и политику неолиберального глобализма, которая базируется на принципах "Вашингтонского консенсуса" и ориентирована на универсализацию практики рыночной экспансии поверх национальных границ и государственных интересов [1, с. 21–63.]. Глобализация как проект реализации неолиберальных ценностей, согласно которым процессы формирования глобальной мировой структуры объективны, а кардинальные социальные изменения «естественны и безальтернативны», так что только интеграция в глобальное сообщество является адекватной реализацией стратегией развития локальных социокультурных систем, представляет собой хорошо проработанную

политическую идею. Такие атрибуты политики неолиберального глобализма, как «чудовищная поляризация богатства и бедности, непримиримая борьба за ресурсы и рынки сбыта, невиданная по своим масштабам и цинизму культурная экспансия с Запада» и иные деструктивные для локальных культур влияния, «вызывают вполне объяснимый протест в различных странах и регионах современного мира, способствуя разрастанию самых радикальных форм социального экстремизма и фундаментализма» [1, с. 30].

Следует отметить, что глобализация как процесс становления глобального рынка и его институтов, а также процесс перехода к единой мировой экономике без национальных границ, по обоснованному мнению ряда исследователей, был завершён ещё на рубеже второго и третьего тысячелетий. «Для современного, уже, по сути, "постглобализационного" этапа развития уже единой мир-системы, – отмечает А.Л. Сафонов, – в значительной степени исчерпавшей потенциал конвергентных процессов и конвергентного развития, характерно преобладание процессов дивергенции и дифференциации, связанных с распадом, фрагментацией и дифференциацией локальных социумов. Вынужденная адаптация социальных групп и структур к новому, безбарьерному и прозрачному, но именно поэтому более конкурентному и нестабильному миру, вынуждает их усиливать собственные барьерные и защитные функции» [3, с. 5].

Сторонники конвергентного (оптимистического) подхода исходили из тезиса, согласно которому глобализация, превращая замкнутые национальные экономики в открытые экономические и социальные системы, ведёт к кризису и «отмиранию» национальных государств и наций, утрачивающих свою экономическую основу. Считалось, что мощным фактором культурной конвергенции является глобализация медиарынков и сферы образования локальных социокультурных систем в сочетании с созданием глобального информационного и цифрового пространства. Исходя из этого, представители оптимистического подхода делали вывод о неизбежности конвергентного развития, возникновении некоего глобального «сверхобщества», глобального «плавильного котла», где локальные культурные традиции, национальные и религиозные особенности приобретут статус маргинальных субкультур и их особенности в перспективе нивелируются, формируя некую глобальную, «общечеловеческую» общность. Однако после триумфа западного сценария конвергенции мировых систем в конце XX столетия, реальные процессы глобализации, вопреки разрушению экономических и географических границ, формирующих локальные общности, неожиданно пошли в сторону культурно-цивилизационной, национально-этнической, конфессиональной дивергенции. Кризис локальных социокультурных систем, которые, в свою очередь, должны были уступить место глобальным структурам и ТНК, стал результатом не конвергентного синтеза глобальной общности, а следствием фактической дифференциации наций на этноконфессиональные группы, причём в условиях действительно глобального экономического пространства.

Транснациональная и транскультурная конвергенция и интеграция, ещё недавно считавшиеся ведущим социокультурным трендом глобализации, на практике все более ограничены потребительским коммуникативным минимумом и бытовыми потребительскими стандартами, достаточными для существования индивида в глобальной рыночной среде. Если для предшествующих этапов дифференциация – культурно-цивилизационная, национально-этническая, политико-институциональная и социально-экономическая – носила в значительной степени пространственный характер, то в эпоху глобализации преобладает социальная дифференциация непространственного порядка. Основной механизм и основная предпосылка дифференциации и дивергенции – качественное ослабление роли национальных государств и, соответственно, локальных социокультурных регионов как системообразующих социальных групп и источников референтных коллективных форм идентичности. «Разрушая границы и барьеры, – отмечает в этой связи А.Л. Сафонов, – глобализация активизирует не столько смешение и интеграцию, сколько дивергентные процессы

структурообразования и социогенеза, порожденные выходом финансовых и ресурсных потоков из ведения национального государства, обесцениванием связанной с ним системы социальных статусов и ролей» [4, с. 18].

Одной из особенностей, оказывающей влияние на трансформацию дискурса глобализации в начале XXI столетия, является устойчивая тенденция сохранения и углубления различий социально-культурных общностей и локальных социокультурных систем в условиях формирующейся интегрированной экономической и социальной среды. Фрагментация культурно-цивилизационных идентичностей, вызванная широким распространением унифицирующих и стандартизирующих повседневность социальных практик, способствует в большей степени активизации старых и возникновению новых этнических и конфессиональных конфликтов. Так, глобализация, с одной стороны, приводит к трансформации и размыванию локальных культурно-цивилизационных идентичностей, а с другой – является источником активизации процессов самоидентификации локальных социумов, способствуя не консолидации и конвергенции, а, напротив, регионализации и фрагментации современного мира.

Литература

1. Зеленков, А.И. Глобализация как социокультурный вызов современной эпохи / А.И. Зеленков // Философия устойчивого развития / А.И. Зеленков [и др.]; под ред. А.И. Зеленкова. – Минск : БГУ, 2015. – С. 21–63.
2. Голубев, С.В. Основания государственности: социально–философский анализ / С.В. Голубев. – Минск: Изд–во БГУ, 2005. – 182 с.
3. Сафонов, А.Л. Социальные атрибуты глобализации / А.Л. Сафонов // Вестник Бурятского гос. ун-та. Философия, социология, политология, культурология. – 2012. – № 14а. – С. 3–9.
4. Сафонов, А.Л. Глобализация как дивергенция: кризис нации и "ренессанс" этноса / А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов // Вестник Бурятского гос. ун-та. Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – № 6. – С. 17–23.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКО- АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

А.П. Косов

г. Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова, alekos1979@mail.ru

Проблемы глобализации и становления нового мирового порядка являются предметом активных дискуссий политиков и ученых. Цель данной статьи – рассмотрение имеющихся в российском внешнеполитическом дискурсе оценок роли глобализации в формировании нового мирового порядка.

Ключевые слова: глобализация, новый мировой порядок, политико-академическое сообщество России.

В конце XX – начале XXI века в мировом политико-академическом сообществе активно заговорили о глобализации как одной из важнейших составляющих в архитектуре нового мирового порядка. Вслед за западными политиками и экспертами к дискуссиям на данную тему подключились и их российские коллеги.

Целью данной статьи является рассмотрение имеющихся в российском внешнеполитическом дискурсе оценок роли глобализации в формировании нового мирового порядка.